

Аверина-Луговая Д.Ю.

АРХИТЕКТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПЛАН КАК ЭЛЕМЕНТ АРХИТЕКТониКИ Г. СИМФЕРОПОЛЯ (конец XIX – начало XX века)

Актуальность темы. Архитектоника городов (общее устройство городской территории) – перспективное направление исторических исследований, независимо от того, поводится ли исследовательская работа в рамках профильного историко-архитектурного либо историко-культурологического направления или реализуется как этап последовательного изучения отдельных аспектов повседневной жизни городского населения. Следует отметить, что обращение к теме городского пространства в истории, актуально не только с сугубо утилитарной позиции (как средство выявления действенных ориентиров для создания гармоничного предметно-пространственного окружения), но закономерно и обосновано хронологической «универсальностью» архитектуры: будучи современно, софункционально городу, градостроительство (по сути – эклектика строительных акций) стилистически «растягивает» пространство во времени, размывая хронологический эстамп повседневности, являя «(...) разрыв во временном масштабе различных компонентов среды» [1, С. 140].

В настоящее время комплексные исследования по истории градостроительства в Крыму не проводятся: проблема исторической эволюции городской застройки отдельных городов полуострова получила эпизодическое освещение в работах таких авторов, как С.Л. Белова, В.В. Успенская, В.А. Широков и др.

Объектом настоящего исследования является архитектурно-эстетический план архитектоники г. Симферополя в конце XIX-начале XX века. В качестве предмета исследования были рассмотрены такие составляющие визуального ряда городского пространства, как жилые дома, а также отдельные объекты «архитектуры малых форм» г. Симферополя.

Целью статьи является реконструкция визуального образа г. Симферополя и анализ особенностей архитектурно-эстетического плана города.

Задачи исследования:

- выявить отдельные элементы архитектурно-эстетического плана города, формировавшие визуальный ряд городского пространства;
- сопоставить значимость экономических, функциональных, социально-технических и содержательно-художественных компонентов градообразования,
- определить утилитарную и художественно-эстетическую целесообразность ведущих принципов градостроительства.

Архитектурно-эстетическое пространство городов Крымского полуострова формировалось в контексте разработки общероссийских утилитарных и содержательно-художественных приоритетов градостроительства. Формально вопросы регуляции городской застройки решались следующим образом: в 1802 году заведывание строительными делами было передано из Сената в Министерство внутренних дел, с 1832 года проблемами регулярного строительства занимались отдельные департаменты Главного управления путей сообщения и публичных зданий (департамент рассмотрения проектов и смет, департамент рассмотрения искусственных дел и т.п.), а в 1864 году строительная часть гражданского ведомства была возвращена под контроль Министерства внутренних дел, причем строительные комиссии были заменены строительными отделениями при губернских правлениях [2, л. 73].

Единообразие внешнего вида строений теоретически обеспечивалось рядом обязательных постановлений, касавшихся оформления фасадов зданий, внешнего вида тротуаров и объектов «архитектуры малых форм» (полицейских будок, фонарей, заборов и т.п.) [3, с. 97]. Обязательный характер репродуктивного (воспроизводящего одобренные образцы) строительства был законодательно закреплён ещё в 1701 и 1702 годах указами о «Строении в Москве на погорелых местах достаточным людям каменных домов, а недостаточным мазанок» [4, с. 12], а от строгого копирования фасадов постепенно отказались лишь в конце XIX века. В городах, где архитектор не руководил процессом застройки, жилые здания возводились в соответствии с многократно переиздававшимися «образцовыми» проектами (1838, 1854, 1870-х и 1880-х годов), а общественные и административные здания – по образцам, предложенным «нормальными» проектами.

Постановления, задавая образцы эстетического насыщения городского пространства, настойчиво обращали внимание домовладельцев на необходимость соотносить свои созидательные инициативы с требованиями безопасности населения. Соответствие зданий их функциональному назначению, соображения экономии средств и стройматериалов и, тем более, эстетические предпочтения заказчиков с точки зрения законодательной власти, были второстепенны. На первый план выдвигались пожарная безопасность жилых и подсобных помещений, свобода перемещений в пределах тяготеющего к дому участка, а с начала XX века – и соображения гигиены. Но в действительности, триединству требований отвечал лишь небольшой процент городских строений. Показательно, что положение «О санитарных требованиях к городам с населением более 50 тысяч человек», детально описывавшее некую модель идеального дома, было отвергнуто гласными Симферопольской городской думы (1911 год) как несвоевременное с экономической точки зрения, и, следовательно, социально невостребованное и даже опасное [5, с. 1445-1450], а правила «О техническом надзоре за вновь строящимися зданиями», утверждённые министром внутренних дел в том же 1911 году, были приняты городскими властями к сведению, но практической реализации не получили. Тем не менее, заведомо утопичные статьи упомянутого положения «О санитарных требованиях ...» были полны здравого смысла: заданная площадь квартир (9 м²), высота потолков (2,667 м), размер окон и внутреннего двора, температура жилых помещений (не менее 17,5° по Цельсию), отделочные материалы [6] – все без исключе-

ния параметры соответствовали вневременному представлению о жилищных условиях, необходимых для безопасной жизнедеятельности. Но сырые и холодные дома г. Симферополя, требующие ремонта прежде окончания строительных работ, возведенные «без прокладки изолирующего слоя, без применения вентиляционных фановых труб» [7, с. 68], имели мало общего с образом желаемого города, взлелеянным властями всех уровней.

Пересмотру и уточнению подверглись и содержательно-художественные приоритеты градостроительства. Так, к концу XIX века были определены некие универсальные принципы градостроительства: визуальный фон повседневной активности горожан выстраивался в соответствии с концепциями соразмерности (четко выписанное соотношение масштабных характеристик), ясности функционального назначения построек и согласованности компонентов композиции, спаянных общностью смысловой трактовки одной темы [8, с. 157]. Интуитивно прочувствованные приемы застройки (например, метод постепенного раскрытия (распознавания) значимых архитектурных объектов через наслаивающиеся фрагменты первого плана, широкое использование знаков, «драматизирующих пространство», «излучающих смысловые силовые поля» [9, с. 161], выстраивание особой перспективы улиц, фиксация изгибов улиц и проч.) позволяли эффективно восполнять недостаток эстетической информации в городской среде [10, с. 85]. Той же цели, облагороженной национальной идеей, служило и сооружение общественных памятников, участвовавших в формировании «фокусов» и «символических точек» городов [9, с. 232], а также их наиболее устойчивых структурно-функциональных компонентов – центров.

Свойственное XIX веку отношение к городу, как книге, глубинный историзм общественного сознания способствовали гармоничному включению археологических объектов в предметно-пространственную среду. Осознание зависимости смены зрительных впечатлений от быстроты движения наблюдателя и выбор адекватного композиционного решения застройки – характерный признак «доавтомобильного» провинциального города, от которого, как и от всех вышеперечисленных градостроительных принципов, к середине XX века постепенно отказались.

В начале XX века изменились принципы членения внутреннего и внешнего пространства в рамках квартала. Площадь «дворового места», внутреннего двора, ширина улиц – все было рассчитано и законодательно закреплено документами регионального значения. Двор и улица, «два четко выраженных и взаимно противоположных пространственных стереотипа» [9, с. 206], строительными правилами и объяснительными записками к правилам были противопоставлены друг другу как «орган» (эксплуатационно-хозяйственная единица городской застройки) и «среда» (стихийное образование узкофункционального назначения) [11, с. 48]. По сути, документально был зафиксирован заключительный этап протяженного во времени и неминуемого с позиции социально-экономического развития дробления квазиоднородной городской общности. Психологический аспект выделения двора как первичной экоструктуры (сферы гармоничной и поэтапной социализации ребенка [12, с. 141]) был оценен значительно позднее, уже в советский период, когда двор, гарант коллективной безопасности, был утрачен: изменение масштабов построек, потеря визуальной и физической связи с территорией жителями многоэтажных домов породили явление маргинальности, изгнания из обособленного дворового мира, тоски по двору. Дореволюционный двор берег, но не изолировал, пространство двора в своей полноте и самодостаточности было сопоставимо скорее не с отдельным органом, а с универсальным клеточным пространством, «двуличие» фасадов, воспринимаемых с улицы и изнутри по-разному, визуализировало и подчеркивало особый статус двора.

Техническая эстетика провинциального города, создававшаяся для обеспечения приемлемых бытовых условий средствами промышленного и кустарного производства, в конце XIX – начале XX века находилась в стадии стихийного складывания принципов наполнения предметной среды. Визуальный фон, в который «заполняла» городская повседневная жизнь, был «заказан» самой повседневностью. Одним из ведущих элементов городской наглядности, выполнявшим информационно-справочную функцию, были афиши и объявления. Право расклейки афиш и объявлений, принадлежащее Городской управе, могло передаваться в арендное содержание частным лицам, которые, в зависимости от суммы взноса, могли устанавливать рекламу на отдельной улице или по всему городу. Киоски для объявлений – конструкции из досок треугольной формы – устанавливались на базарной площади, при входе в городскую управу, афиши наклеивали на цилиндрические тумбы и доски, прикрепленные к стенам зданий [13, с. 827]. Информацию об условиях найма квартир, складов, магазинов и торговых помещений, имевшихся вакансиях на рынке труда и порядке оформления различной документации предоставляли так называемые «справочные места», для открытия которых желающие обязывались внести залог в сумме 500-5000 рублей [14, 15].

Своеобразная «графика» дореволюционного города легко идентифицируема и аскетична: водосточные трубы серого цвета, по которым вода, минуя желоб (подвесной или настильный) и громоздкую воронку (округлой или четырехугольной формы) стекла на тротуар [16]. Крыши большинства городских строений были крыты черепицей местного производства: заводы предлагали черепицу «желобоватую» и «местную» (высота и того, и другого образца составляла 9 вершков (40,05 см) [17, с. 4]. Цветовая гамма лакокрасочных материалов, широко использовавшихся в быту, была достаточно однообразна: для окраски помещений и различных объектов использовали охра разных оттенков, железный сурик, умбру, сажу, графит нескольких тонов. С начала XX века для окраски больших площадей стали использовать специальные приспособления (поршневые пульверизаторы), цена на которые была демократична (от 35 до 90 рублей) [18, с. 10]. Одним из символов ушедшей в прошлое повседневности была печная труба (в указанный период повсеместное распространение получили голландская прямоугольная печь и утермарковская круглая печь, которые были модернизированы Свизевым, Лукашевичем, Грум-Гржимайло и Кржижановским [19, с. 13]). Ответственность за своевременную очистку домовых труб лежала на домохозяевах, привлекаявших к осуществлению данной процедуры состоящих в арестантском отделении трубочистов. Существовавший порядок не мог удовлетворить городские власти: так, в 1902 году гласные Симферопольской городской думы сетовали на

отсутствие в городе подготовленных трубочистов и возложили на городскую управу обязанность создать в городе артель, которую бы возглавил заведующий городским обозом [20, с. 516]. В идеальном варианте очистка труб и печей казенных зданий должна была производиться один раз в неделю (трубы хлебопекарной печи и сама печь), один раз в две недели (дымовые трубы от кухонных, банных и прачечных очагов), один раз в месяц (дымовые трубы голландских и утермарковских печей) [21, с. 1]. Чистили печные трубы метлой с привязанным к ней чугунным ядром, что требовало определенных навыков владения рабочим инструментом, т.к. неумелое пользование метлой могло стать причиной повреждения трубы.

Атрибутом улиц и дворов г. Симферополя был мусор. Мусор сыпали или выливали в небрежно сколоченные ящики, покрытые изнутри смолой или краской, снабженные крышкой (или без нее) и нижней заклонкой – «лядой», крепившейся петлями (в Европе использовали железные ящики). Опустошали ящики недостаточно часто: вместо желаемого 1 раза в 1-2 недели – раз в 1-2 месяца, перевозили содержимое на одноконных возках, дрогах, огороженных с боков приставленными досками, при этом мусор сыпался на дорогу. Те же возки использовались и для перевозки стройматериалов, а в разгар сезона – овощей и фруктов «второго» сорта. За вывоз мусора взималась плата в размере 30-40 копеек (до 1 рубля) [22, с.716-724]. В городе функционировали также стихийные и постоянно действовавшие свалки, выглядевшие крайне не эстетично: «Как на мусорных свалках, так и на ассенизационных полях роются бедняки, преимущественно женщины и дети, в целях выбрать из мусора тряпки, кости и другие предметы» [23, с. 11].

Таким образом, указанный период представляет собой важный этап формирования городской застройки. Выстраивание архитектурно-эстетического плана г. Симферополя в конце XIX – начале XX века происходило под влиянием общероссийских и региональных социально-экономических и культурных процессов. Городское жилище трансформировалось под воздействием изменяющихся условий жизнедеятельности населения, несколько отставая во времени от эволюции представлений горожан о комфортном и безопасном месте обитания.

Источники и литература

1. Иконников А.В. Искусство, среда, время. (Эстетическая организация городской среды). – М.: Сов. Художник, 1984. – 336 с.
2. Государственный архив в Автономной республике Крым (ГААРК). – Ф. 26. – Оп. 1. – Д.26789.
3. Известия Симферопольской городской думы. – 1910. – № 4.
4. Русское градостроительное искусство. Градостроительство России середины XIX – начала XX века. НИИ теории архитектуры и градостроительства. Под общей ред. Е.И. Кириченко. – М.: Прогресс – Традиция, 2001. – 340 с.
5. Симферопольская Городская Дума. Известия. – Симферополь: тип. Эпеля и Коршунова, 1911. – [октябрь]. – 907 с
6. Симферопольская Городская Дума. Известия. – Симферополь: тип. Эпеля и Коршунова, 1911. – [июнь-июль]. – 907 с.
7. Симферопольская Городская Дума. Известия. – Симферополь: тип. Коршунова и Эпеля, 1910. – [июль – декабрь]. – 907 с.
8. Гутнов А.Э. Эволюция градостроительства. – М.: Стройиздат, 1984. – 256 с.
9. Аскарлов Ш.Д. Регион – пространство – город. – М.: Стройиздат, 1988. – 200 с.
10. Теория архитектуры и градостроительства: (Психология восприятия архитектурных объектов): Учебное пособие / И.И. Лошаков. – К.: УМК ВО при Минвузе УССР, 1988. – 92 с.
11. Михайлов Д.Р. К анализу сращенности субъекта и среды (Опыт теоретической реконструкции) // Психология и архитектура: Тез.конф./ Под ред. Т. Нийта, М. Хедметса, Ю. Крусвалла. – Таллин, 1983. Ч.1. – 203 с.
12. Яницкий О.Н. Экологическая перспектива города. – М.: Мысль, 1987. – 278 [2] с.
13. Систематический свод постановлений Симферопольской Городской Думы за 41 год (составил Л.Я. Александров) (1871-1911 гг.). Том I. – Симферополь: Типография Г.М. Эпеля и Ф.Т. Коршунова, 1912. – 881 с.
14. Государственный архив в Автономной республике Крым (ГААРК). – Ф. 26, Оп. 1, Д. 27399.
15. Государственный архив в Автономной республике Крым (ГААРК). – Ф. 26, Оп. 1, Д. 27658.
16. Романович М.Е. Гражданская архитектура. Части зданий. Издание 2-ое. – СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1896.
17. Государственный архив в Автономной республике Крым (ГААРК). – Ф. 61, Оп. 1, Д. 262.
18. ГААРК. – Ф. 125, Оп. 1, Д. 44.
19. Кржижановский П.К. Комнатные печи и их устройство. Крым. гос. издательство, 1931. – 58 с.
20. Систематический свод постановлений Симферопольской городской думы за 41 год (составил Л.Я. Александров) (1871 – 1911 гг.). Том II. – Симферополь: Типография Г.М. Эпеля и Ф.Т. Коршунова, 1912. – 1066 с.
21. Государственный архив в Автономной республике Крым (ГААРК). – Ф. 27, Оп. 13, Д. 4464.
22. Симферопольская Городская Дума. Известия. – Симферополь: тип. Эпеля и Коршунова, 1911. – [январь – июнь]. – 849 с.
23. Сведения о состоянии санитарного и медицинского дела в Симферополе за 1911 год заведующего санитарным бюро г. Симферополя И.К. Кондорского. – 68 с.